

КОРРЕЛЯЦІЯ ПОНЯТИЙ “ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА” И “ЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА”: ЗА И ПРОТИВ

ЧЕКУЛАЙ И. В., ПРОХОРОВА О. Н.

Белгородский государственный университет

У статті розглянуто актуальні проблеми лінгвоаксіології. Особливу увагу приділено механізмам формування ціннісних та оцінювальних компонентів мовної картини світу. Підкреслено чітку диференціацію цінності й оцінки як фундаментальних структур кваліфікативного мовного мислення. Обґрунтовано необхідність подальших досліджень у виявленні аксіологічної структури мовної картини світу.

Ключові слова: лінгвоаксіологія, мовна картина світу, цінність, оцінка.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лингвоаксиологии. Особое внимание уделяется механизмам формирования ценностных и оценочных компонентов языковой картины мира. Подчеркивается четкая дифференциация ценности и оценки как фундаментальных структур кваліфікативного языкового мышления. Показана необходимость дальнейших исследований по выявлению аксиологической структуры языковой картины мира.

Ключевые слова: лингвоаксиология, языковая картина мира, ценность, оценка.

The article deals with some topical problems of linguistic axiology. Special attention is drawn to the mechanisms of forming value and evaluation components of the linguistic picture of the world. A clear-cut differentiation of value and evaluation as fundamental structures of the qualifying language thinking is emphasized. It is showed the necessity of further research of the axiological structure within the linguistic picture of the world.

Key words: linguistic axiology, linguistic picture of the world, value, evaluation.

Проблема исследования языковой картины мира (далее – ЯКМ) является одним из наиболее перспективных направлений изучения феноменов языка и речи с позиций антропоцентрического подхода. Как известно, понятие ЯКМ является достаточно комплексным и неоднозначным для того, чтобы нарисовать чёткую структурную модель, приемлемую для описания различных языков и культур. Один из известных специалистов в этой области исследования О. Корнилов справедливо отмечает: “Любое толкование понятия ЯКМ, на наш взгляд, не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалья, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач. Это – своего рода орудие” [5, с. 4]. Наиболее правильной трактовкой понятия ЯКМ есть его понимание как индивидуального, существующего в сознании конкретного индивида творческого осознания действительности, создаваемого в результате комплексного действия объективных и субъективных факторов восприятия, переработки и хранения поступающей информации о такой внешней действительности.

Такая трактовка, казалось бы, ведёт к агностицизму в дальнейшей научной интерпретации данного термина. Действительно, особенности индивидуального переосмысления информации о внешнем мире прекрасно объясняют причину того, что одно и то же явление объективной реальности часто воспринимается с диаметрально противоположных точек зрения. Так, например, люди по-разному относятся к таким вещам, как свадьба, брак, армия, интеллигенция и т. п.

Данное положение чётко указывает на то, что важным компонентом ЯКМ является его аксиологическая составляющая. Напомним, что аксиология представляет собой философскую теорию онтологии, происхождения и функционирования ценности.

Сопоставительно-семиотические данные исследования отражения понятий в языках показывают, что даже достаточно конкретные сущности, объединяемые в определённые понятийные категории в форме языковых знаков (т. е. то, что входит в так называемую научную

картину мира), в разных языковых культурах могут иметь существенные отличия (например, известные факты различной языковой категоризации спектральных цветов, классификации видов флоры и фауны, не говоря уже об абстрактных и интерпретационных понятиях). Это явление можно объяснить фактами субъективной интерпретации действительности, среди которых ведущие места занимают аксиологически (ценностно-оценочное) и психологически (чувственно-эмоционально) обусловленное переосмысление действительности.

Вообще чётко дискретное понимание оценки и эмоции как основных проявлений субъективного отношения индивида к действительности и окружающим индивидам так же невозможно, как и понимание ЯКМ как определённой структуры. Тем не менее, существующие работы по семантике и функциональным характеристикам эмоций (В. Шаховского [9]) и оценок (Н. Арутюновой [2; 3], Е. Вольф [4]) позволяют выдвинуть предположение о том, что есть отдельные аксиологические и психологические факторы формирования ЯКМ коллективного, а также индивидуального плана.

Здесь, очевидно, возникает проблема: существует ли подчинённая в иерархическом отношении ЯКМ отдельная оценочно-языковая картина мира (далее – ОЯКМ) или же лишь определённые факторы аксиологического порядка, создающие аксиологическую специфику определённой ЯКМ, не выделяясь при этом в отдельный структурный фрагмент общей ЯКМ.

Здесь хотелось бы обратиться к понятию концепта как основного кванта структурирования знаний о внешнем мире и социальных отношениях. В описании структуры концепта З. Попова и И. Стернин выделяют следующие его основные составные части: ядро – прототипическая единица универсально-предметного кода (она может быть как общенародной, так и групповой или индивидуальной); базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки состава ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [8, с. 64].

В целом эту гипотезу внутреннего структурирования концепта следовало бы признать состоятельной, но при этом необходимо сделать некоторые оговорки. Если мы рассматриваем какой-либо концепт, референтами которого являются достаточно конкретные предметы, то эта схема срабатывает полностью. Например, если проанализировать концепт ЗЕМНОВОДНОЕ, то в его структуре чётко можно выделить ядерную часть (животное типа хордовых, класса земноводных (амфибий)), базовые слои (возможное представление о лягушках и жабах как о чём-то едином в противопоставлении тритонам, более похожим на рептилий) и, наконец, интерпретационный слой, существование которого эксплицируется эмоциями и оценками, например:

– А как сидеть? – спросила высокая и строгая девочка. – Мальчишки отдельно или на одной парте с девочками? Если на одной, я не согласна.

– Мальчишки будут за косы дергать, – сказала басом толстая гимназистка, – или целоваться начнут.

Наша депутация изобразила бурное возмущение. Я с негодованием сыграл “Бурю на Волге”, а Степа даже плюнул и сказал:

– Тьфу! Целоваться... Лучшие уж жабу в рот [11].

Продолжая тему земноводных в русском языке и в русской языковой культуре, можно развить интересное продолжение. Если обратить внимание на такую производную от слова *лягушка* лексему, как *лягушатник*, то нетрудно заметить, что у данного слова имеется, по крайней мере, два узואльно зафиксированных словарных значения:

1. Место в бассейне, или оборудованном для плавания открытом водоёме, где достаточно мелко для того, чтобы там резвились дети или учились плавать люди, не умеющие этого делать.

2. Пренебрежительное прозвище француза (сродни таким номинациям, как *кацап*, *негритос*, *китаёз* и т. п.).

Нетрудно заметить, что оба значения принадлежат к словам сниженного стилистического тона [7, с. 108–110], но если попробовать определить их коннотативно-оценочные характеристики, то в этом отношении имеются определённые трудности. Можно сказать, что в системном значении оба лексико-семантических варианта имеют общую семантику пренебрежения, однако употребление в отдельных контекстах показывает, что с точки зрения лингвоаксиологии не всё обстоит однозначно даже в связи с конкретным лексико-семантическим вариантом. Например, могут различаться объекты оценки, в частности: *Разве это река? лягушатник, да и только. Это пускай детишки в лягушатнике плохаются, а я в конце концов первый разряд имею и с его способностями только в лягушатнике плавать*. Поэтому в ЯКМ слово *лягушатник* I связано с общим пренебрежительным отношением к лицу или к объекту действительности, а в плане аксиологическом оно имеет дифференциальные характеристики.

Подобные факты расхождения характеристик ЯКМ и семантико-аксиологической категориальной базы в различных языках не единичны. Так, в английском языке не имеющий каких-либо аксиологических характеристик в ЯКМ произведённый по конверсии глагол *to coach* может иметь как нейтральное значение “тренировать кого-либо”, так и аксиологически маркированное значение, приближающееся к “поучать, внушать, заставлять плясать под свою дудку” (сродни русскому сленговому слову *грузить* (кого-либо), но скорее разговорное, чем сленг), например:

– *What do you want me to say?*

– *Whatever you will, boy, Denton said, his voice broken. 'I do not plan to coach you. Say what you think of me...' [11, p. 256].*

Из этого уже можно сделать предварительный вывод о том, что ЯКМ, сфера ценности и оценки не относятся к общей когнитивной сущности. В принципе, их объединяет то, что они не являются абсолютными ментальными системными конструкциями, а лишь разного рода орудиями передачи и хранения определённой информации вербального характера.

В связи с последним возникает вопрос: означает ли это, что сфера ЯКМ и лингвоаксиологическая сфера не пересекаются. Несмотря на то, что в ряде работ по лингвоаксиологии тесная связь этих понятий не вызывает сомнений (например, в монографии Н. Мед речь идёт об оценочном аспекте ЯКМ [6, с. 8–25]), ответ на этот вопрос дать не так легко. Для этого необходимо проанализировать факты языка и мышления.

Очевидно, сначала надо исследовать основные аксиологические категории, в частности ценность и оценку, причём ценности принадлежит основной фокус исследования, поскольку оценка является лишь выражением ценности, “представлением, понятием, суждением о ценности” [1, с. 67]. К сожалению, положение о том, что ценность и оценка не только суть различные вещи, но в то же время вещи взаимосвязанные и взаимообусловленные, в лингвосемантических исследованиях часто игнорируется, и чаще всего лингвоаксиология сводится к анализу таких категорий, как “оценка” и “оценочность”, но крайне редко речь идёт об ценности как основном содержании и предмете изучения в аксиологии.

В последнее десятилетие сформировалась положительная тенденция в исследованиях, имеющих отношение к лингвоаксиологии: ценность рассматривают как первичную по отношению к оценке категории. Тем не менее, большинство ученых в данной области лингвосемантики продолжают ограничиваться категорией оценки. Это обусловлено вполне объяснимыми причинами: ведь оценка как выражение ценности зрима, в то время как ценность является достаточно скрытой и неоднозначной категорией, трудно доступной к полностью объективному анализу, и потому о ценности мы можем судить лишь через её выражение в виде оценки.

В широком смысле ценность определяется как “значимость (польза, полезность) некоторого множества объектов для множества живых существ”. Но синонимы “значимость” и “полезность” являются не единственными в своём ряду. Сюда следовало бы добавить и такие аксиологические категории, как “норма”, “стабильность”, “обычность”, “перспективность” и другие.

Ценности – вещи, события и т. п., объективные и субъективные, денотативные и сигнификативные явления. Реальными, предметными ценностями являются, например, для каждого из нас родные и близкие, дом или квартира, автомобиль, любимый костюм, аттестат профессора или доцента, а в конкретные моменты или периоды жизни – вещи, которые в системе сознания мы бы никоим образом к ценностям не отнесли (например, если человек сломал ногу, такой временной ценностью для него становятся костыли). Если попробовать составить общий список постоянно ассоциируемых и потенциальных ценностей, то на это не хватило бы жизни не только отдельно взятого человека, но и социума в целом. Тем самым ценности представлены в языке практически всеми содержательными знаками, передающими понятия о совокупности предметов и явлений, или же, проще говоря, всеми лексико-фразеологическими средствами языка, включая терминологические словосочетания типа “парниковый эффект”, “рентгеновские лучи”, “претерито-презентные глаголы” и т. п.

Можно проследить отношение одних категориальных знаковых сущностей к другим через общую категорию ценности; важная для письма вещь называется ручкой или карандашом, полезная для больного субстанция называется лекарством и т. д. Таким образом, данные категориальные номинации являются знаками ценностного отношения. А поскольку ценностные отношения также представляют собой социальную, а порой и общечеловеческую ценность, то вместе они объединяются в категорию ценности с позиций обыденного понимания действительности, она должна каким-либо образом реализоваться, послужить потребностям социума или индивида, актуализоваться в виде речевой оценки.

Перевод ценности и ценностного отношения в оценку технически не прост, он является наиболее показательным этапом в развитии ценностно-оценочных отношений в языке и сознании его носителей, поскольку именно здесь происходит облечение ценности в форму вербальной и невербальной оценки. В стремлении реализовать определённое ценностное отношение в ситуации общения отправитель оценочного высказывания выбирает, во-первых, прагматические тактику и стратегию, необходимые для данной ситуации речевые акты, способы достижения максимального иллокутивного и перлокутивного эффектов; во-вторых, говорящий использует нужные средства передачи предметного и оценочного содержания, т. е. лексико-фразеологические средства языка; в-третьих, придаёт высказыванию необходимые акустико-динамические и просодические параметры (высоту тона, расстановку пауз в высказывании, определённый, соответствующий интонационный рисунок и т. п.). Тем самым ценностное отношение, связанное с определёнными денотатами, переводится в референтную ситуацию и превращается в оценочное отношение.

Наконец, обработанное в оценочное отношение ценностное содержание реализуется непосредственно в речи в виде оценочного высказывания. Отношение превращается в готовую единицу речи, основным содержанием которой является собственно оценка, которая может сопровождаться дополнительно экстралингвистическими средствами (мимикой, жестами, телодвижениями) и вместе с ними представлять собой синтезированную экспликацию ценности, ценностного и оценочного отношений. Данные соображения позволяют заключить, что собственно оценка в строгом понимании этого термина является лишь результатом сложного аксиологически обусловленного речемыслительного механизма.

Тем самым нетрудно заметить, что лексико-фразеологические ресурсы языковой системы, передающие ценность и ценностное отношение, относятся к плану языка как системы; оценочное отношение формируется в ходе речевых оценочных механизмов, а оценка реализуется в определённых речевых единицах и структурах, т. е. относится к плану речи.

Это обуславливает и необходимость соответствующих переосмыслений лингвоаксиологической терминологии. Если картина мира существует в сознании, и тем самым её содержание отражается непосредственно в единицах языка, а оценка является данностью

речи, то говорить об оценочной языковой картине мира было бы некорректно. Возникает возможность предложить термин “ценностная языковая картина мира”, но его легитимность нуждается в тщательной проверке.

Прежде всего, следует учесть, что с языковой точки зрения ценности реализуются практически во всех единицах языковой номинации, и это объяснимо, поскольку вещь представляет собой ценность той или иной степени значимости. Но существуют предикативные единицы (имена прилагательные, глаголы, наречия), которые передают свойства и отношения и представляют не столько ценности, сколько метачценности, служащие для актуализации содержания ценностей в типовых ситуациях взаимодействия человека и внешнего мира. Так, глагол “просить” вводит возможность, при которой есть вещь, расцениваемая с точки зрения говорящего как ценность своего рода для одного, нескольких или всех коммуникантов, например:

1. *Иван просит Машу выйти за него замуж* (ценность для Ивана – Маша).
2. *Иван просит у Маши книгу* (ценность – книга).
3. *Иван просит Машу замолчать* (ценность для Ивана – молчание, тишина).

Таким образом, выделить единицы, созданные исключительно для передачи ценностей в языке, представляется достаточно затруднительным. Единственное, что можно дифференцировать в концептуальном плане, это разные структурные параметры непосредственно ценностных и предметно-ценностных концептов. Так, например, едва ли можно чётко определить ядро таких концептов, как ДОБРО и ЗЛО, важнейшим компонентом которых есть интерпретационное поле, т. е. наиболее периферийный участок концепта в приведенной выше концепции З. Поповой и И. Стернина.

Но различное строение предметных и ценностных концептов едва ли имеет важность для того, чтобы относить одни из них к предметной картине мира, а другие – к ценностной, поскольку именно предметные сущности чаще всего выступают как ассоциируемые в мышлении с ценностями. С другой стороны, термин “картина мира” является своего рода метафорой для описания представления коллектива или отдельного индивида об окружающем мире и не может быть объективной сущностью, иначе бы люди уже давно сопоставили собственные картины мира и смогли найти компромисс не только в решении глобальных проблем, но и мелких бытовых неурядиц. Поэтому наличие единиц языка, передающих ценностное содержание, в составе ЯКМ следует представлять также метафорически.

На наш взгляд, здесь была бы уместна следующая метафора. Концепты как ценности представляют собой такие важные составляющие любой картины, как краски или иной материал, которым она выполнена. Причём это разные краски, комбинация которых позволяет получать практически все цвета спектра. А вот соотношение собственно информативного и ценностного в данной картине обусловлено специфической техникой нанесения красок, позволяющей получать более тёмные или более светлые участки и детали, более густой или редкий слой красок и т. п.

С другой стороны, можно было бы предположить существование связанной с общей картиной мира ценностной картины мира, а на этой основе – существование связанной с ЯКМ ценностно-языковой картины мира (далее – ЦЯКМ). Но в настоящее время было бы крайне сложно определить их существенные дифференциальные характеристики хотя бы в силу того, что сама ЯКМ ещё не получила достаточно адекватного научного описания, исключающего какие-либо возможные сомнения в связи с её достоверностью и научной состоятельностью. Говоря о ЦЯКМ, можно сказать, что данная область представляет собой нетронутую целину уже хотя бы потому, что концепты как ценностные структуры знаний получили лишь общее описание. Поэтому для более адекватного описания ЦЯКМ необходимы дальнейшие исследования ценностно-концептуальной сферы языковых явлений.

Таким образом, понятие “оценочная языковая картина мира” нуждается в дальнейшей доработке. Пока трудно однозначно говорить о её относительно независимом от общей языковой картины мира статусе. С другой стороны, необходимо не забывать, что ценностная картина мира представляет собой более стройную систему, нежели ОЯКМ. Несомненно, парадигма речевого оценочного содержания существует сама по себе, но совершенно ясно, что она обусловлена ценностным содержанием сущностей объективного и субъективного по отношению к человеку мира. Поэтому корреляция ценностных и оценочных моментов в общей языковой картине мира является одной из важнейших задач современной лингвоаксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию / Сергей Федорович Анисимов. – М. : Современные тетради, 2001. – 128 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Елена Моисеевна Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
5. Корнилов О. А. Языковые картины миров как производные национальных менталитетов : [монография] / Олег Александрович Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
6. Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии : [монография] / Наталья Григорьевна Мед. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. – 235 с.
7. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Вища школа, 1991. – 272 с.
8. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 191 с.
9. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / Виктор Иванович Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1987. – 190 с.
10. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа : <http://dic.academiru/dic.nsf/efremova/183047/Лягушатник>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

10. Кассиль Л. Кондуит и Швамбрания. – Режим доступа : <http://www.vse-knigi.ru/lev-kassil/koduit-i-shwambrania>.
11. Shaw I. Rich Man, Poor Man. – L. : New English Library, 1989. – 477 p.

*Дата надходження до редакції
05.05.2011*